

Проблема имени: от отклика к символу

I

Прежде имени ничего не может быть мыслимо; сама наша речь, способность сказать представляется свидетельством помещенности в определенным образом поименованное пространство. Владея языком, мы, таким образом, владеем способом ориентации в пространстве. До любой сказанности, если следовать лексике А.Ф.Лосева, мир будет глухонемым для нас, неспособных к отклику. [5. С. 443] Язык тогда можно представить в виде некоторого поля стихийно сложившихся форм отклика миру; причем, поле это будет многослойно, каждый из слоев которого будет обладать способностью особого отклика на заданные в нем сущности. Именно сама способность отклика, лежащая в основе языка, дает представление о нем как о живой возможности мира и нас в нем, существующих в непрестанном диалоге, начавшемся с первого отклика на брошенный пока еще в неизвестность (пока нет вести – отклика) вопрос. Проникновение в язык также может быть разностепенным, определяясь глубиной слоев, поднятых диалогом: в языке мы находим некоторый путь от отклика к самой сущности. [5. С. 449]

Путь отклика – простейший из возможных путей работы с языком, он основан, прежде всего, на представлении об имени как ответе, раскрывающем значимость имени (в самом широком смысле вписанности в поименованное пространство значений, без которого нет человека как воплощения его родовой сущности). Начинается он с вопрошания, которое само по себе требует смелости подобной разговору с темнотой комнаты, так пугающей в детстве, за которым следует время ожидания отклика, «прислушивания к миру». В это время мы вверяем себя полностью этой неизвестности «темной комнаты» (нашего ожидаемого, но еще

только будущего поля имен). Уже на этом этапе решившимся задать вопрос может не хватить терпения, чуткости, слуха на то, чтобы узнать идущий отклик, который есть всегда для владеющего способностью вопрошания (поскольку неспособность владеть языком, скажем, по причине психического расстройства обрывает возможность построения поля языка уже теперь). Не услышать отклик – все равно, что жить в болезненном противоречии с миром окружающим. Наконец, получившие такой отклик оказываются вписанными, вживленными в структуру языка и могут далее успешно работать внутри его, находя отклики своим мыслям, эмоциям, переживаниям. Социальное значение имени как раз и проявляется в этом моменте, будучи своеобразной «краткой формой содержания, помещенного в границы» [5. С. 451] вопроса-отклика; такой род диалога придает нашему существованию социальные смыслы, заряжая нас на продуктивное существование своей полярностью «вопросов-откликов». Значение отклика как способа существования человека наиболее ярко раскрывается в понимании природы вдохновения в художественном творчестве. Момент ожидания отклика связан с максимальным напряжением всех человеческих сил, оттого в нем заложена возможность такой чуткости, когда одним вопрошанием можно достигнуть стихийного вороха ответов, неорганизованного, а, самое главное, непропорционального вопросу. Когда малым оказывается возможно охватить многое, все поименованное поле, тогда речь идет о вдохновении или, иначе, проговаривании в нас самого языка. [4. С. 502]

II

Иным путем работы с именами будет путь сакральный, хотя он в сущности своей также основан на отклике, имеющем теперь значительно большую глубину вопрошания. Имя впервые появляется как средство, с помощью которого возможно обратиться непосредственно к миру, бывшему до того пугающим, неоформленным, стихийным хаосом. Имя

потому средство, что дает возможность снять испуг от предмета, делая его в имени знакомым, раскрывая некоторые смыслы, заложенные в нем. Даже если имя оставляет боязнь, поскольку смыслы, вложенные в имени, могут быть пугающими, то оно снимает ужас неизвестного, ужас нахождения перед неузнанным. Еще раз именно теперь стоит вспомнить идею П.Флоренского о значении имени как границы, некоторой простейшей формы, подчиняющей себе разворачивающееся внутри нее содержание. В данном случае имя предельно конкретно, относится напрямую к действительности: в таких простейших именах слито представление об объекте и действии им совершаемом, такое имя фиксирует состояние теперь объектов окружающей действительности, потому относится к ним непосредственно. Имя выступает первым слоем культуры, оформляющим стихийность органического начала, позволяя человеку ощущать себя укорененным в пространстве знак-омого (поле знаков - имен).

Более глубоким культурным слоем будет являться символ, который в отличие от имени предельно абстрактен. В основании символа лежит отделенность двух миров: мира конкретной действительности и мира идеального, то есть мира идей, возникшего на основании имени. В самой структуре имени мы видели заложенное оформляющее начало, форма, которая приобретает характер идеи конкретного явления, - так складывается другой слой культуры, существующий параллельно миру действительному. Сам процесс изменения статуса имени достаточно сложно обозначить, однако, как факт переход к идеальному необходимо зафиксировать как раз на этапе появления символики. Это связано с тем, что такая ситуация двоемирия порождает особый статус вступающего в диалог. Изменение статуса связано с природой символа, которая несет в себе одновременную связь этих миров, но впервые речь идет о появлении дистанции от действительности конкретной, создающей защитный механизм культуры. Этот механизм и выделяет человека из природы, поскольку делает отношение к явлению опосредованным миром идей; теперь все

Сысолятин А.А. Проблема имени: от отклика к символу

осуществляемое человеком не может быть органично и конкретно, а является всегда опосредованным, ограниченным. Человек получает защиту, но утрачивает свободу конкретного действия, - так возникает механизм социальных и сакральных (изначально слитых в формах табу и ритуала) запретов. Неслучайно в сферу табу попадают запреты на произношение имен, поскольку называние имени есть акт установления связи между мирами, которая может представлять смертельную опасность для вопрошающего, нарушающего порядок неоправданным вмешательством. Однако другой стороной этого факта является то, что действительность символа приобретает способность установления связи между миром идей и миром действительным; абстрактный характер символа позволяет закреплять за ним более чем одно значение. Таким образом, установление связи в символе приобретает характер охвата, прозревания всех смыслов действительности в одном акте обращения. [3. С. 143] Символ становится наделенным сакральным смыслом: смыслом установления связи с неоформленным, органическим началом; в символе прозреваются «все планы бытия и все сферы сознания» [3. С. 144]. Иными словами, в символе получают связанными дионисийское и апполоническое начала, прозревание которых возможно самым сакральным актом обращения к символу. Именно такую природу символа указывая на возможность теургического характера искусства предполагали русские символисты.

В самой природе символа содержится возможность его деятельной силы, начала познающего и преобразующего, суть которого в сближении природы «вне меня лежащей и своей подлинной, творческой сущности» [1. С. 334]. В символе как объекте сакральном заложена возможность как обращения в сферу магического, так и в сферу мистического. Поскольку символ есть обращение к законам необходимости (границам) социального и природного космоса, он предполагает возможность магического действия: установления верной связи миров идеального и действительного, предполагающей возможность вмешиваться в ход конкретной действительности,

обозреваемой в охвате границ, установленных символом. С другой стороны, в символе содержится принципиальная возможность «трансценденции за сферу необходимости» [2. С. 5], что является актом свободного творчества, составляющего основание мистического действия. Такая возможность основана на всеохватной многозначности символа и осознании субстанционального характера причинности, в котором заключена способность творческой свободы субстанции. [2. С. 76] Это и будет означать возможность слияния на теперешний момент дифференцированных сфер искусства и религии в один акт со-творчества, иначе именуемый теургией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А.Сугай. – М.: «Республика», 1994.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: «АСТ», 2005.
3. Иванов В. И. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М.Толмачева, - М.: «Республика», 1994.
4. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман, - М.: «Эксмо», 2004.
5. Флоренский П. Имена: Сочинения.- М.: «Эксмо», 2006.
6. Цветаева М. Световой ливень: Публицистика. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.